

④ Так радостно быть стариком...

Эта магнитофонная запись сделана где-то в середине шестидесятых. Чуковский читает свои "взрослые" стихи. Эта запись публикуется сегодня впервые

... Я не очень люблю свои взрослые стихи и никогда не отдаю их в печать. Конечно, случается каждому записать что-нибудь в записную книжку. Я прошу вас не смотреть на это слишком требовательными глазами. Это просто листочек из моего дневника, случайно записанный стихами.

Никогда я не знал, что так радостно
быть стариком.
Что ни день – мои мысли добрей
и светлей.
Возле милого Пушкина, здесь,
на осеннем Тверском,
Я с прощальной жадностью долго
смотрю на детей,
И усталого, старого тешит меня
Бесконечная их беготня и возня.
Да к чему бы и жить нам на этой планете
В круговороте кровавых столетий,
Когда б не они, не вот эти,
Глазастые звонкие дети,
Которые здесь на моем
Грустном, осеннем Тверском
Безумно летят от веселья к веселью,
Кружась разноцветной своей каруселью,
В беспамятстве счастья, навстречу
векам,
Каких никогда не видать старикам.

Публикация Е.Ц. ЧУКОВСКОЙ.

ПОПРАВКА

Листать, исполнять, каким образом в числе
очень хороших, мастерски сделанных ста-
зов, собранных в книжке Чуковского, при-
шлось сказочка «Барабек», страдающая
отсутствием смысла и звучания?

Привожу ее полностью:

«Рохин, Бобин, Барабек
Окушал сорок человек,
И корову, и быка,
И кривого мясника,
И кобылу, и сепью,
И латушку, и змею.
Скушал бабину, скушал дом.
И кузицу с кузнецом.
А потом и говорит:
— У меня живот болит!»

Формализм: чудачества. Г...
не представляют —
близкая...

"Комсомольская правда"
от 16 февраля 1936 г.

КАК МЫ ЧУТЬ НЕ СКУШАЛИ Р.Б. БАРАБЕКА,

а вместе с ним и Чуковского

Мы очень виноваты перед господином
Р.Б. Барабеком. Февральским утром 1936
года "КП" известила всю большую совет-
скую страну о том, что в существовании
Р.Б. Барабека нет никакого смысла. И что
вообще "Барабек" не звучит...

Из дневника Корнея Ивановича Чу-
ковского:

17 февраля 1936 г. "Вчера позвонил
Алянский и сообщил, что в "Комсомоль-
ской правде" выругали мой стишок "Ро-
бин Бобин Барабек". Это так глубоко
огорчило меня, что я не заснул всю
ночь..."

При жизни Корнея Ивановича мы, кажет-
ся, не извинились за глупости, опублико-
ванные в 1936 году. Покаемся сейчас. Луч-
ше это сделать поздно, чем никогда. Прав-
да, в оправдание "КП" надо заметить, что
статья та давняя — анонимная и написана
явно не в редакционных кабинетах. Но оп-
равдание это, конечно, слабое.

Вырежь эту мини-книжку
и вложи в любой сборник
сказок Корнея Ивановича,
который у тебя есть. Ты
будешь больше знать о
любимом писателе.

Сердечный привет от
Корнея Чуковского
26 III 66

МИТИНА ЛЮБОВЬ ①

Вечный дед

Двадцать пять лет мы живем без Корнея Ивановича,
и все ждет и ждет его на веранде в Переделкине
маленький лев, с которым Чуковский говорил
по-английски.

Мы родились при Чуковском. А
стали взрослыми без него. Он умер
во вторник, 28 октября 1969 года.
В четверг Лев Кассиль написал в
"КП": "Я не могу втиснуть этого че-
ловека в траурную рамку..."

Чуковский так и не втиснулся
для нас в эту рамку. Он и умер-то
не по-стариковски — случайно за-
разился гепатитом. Читал без оч-
ков, ездил с внучкой на моторол-
лере, поднимался по лестнице че-
рез две ступеньки, у него было
здоровое сердце. До последних
минут бодрился, шутил, делал за-
писи в дневнике.

У большинства моих сверстни-
ков не было другого деда, кроме
Чуковского. Только таким мог быть
настоящий Дед — высоким, боль-
шим, сильным, веселым и вот с та-
ким замечательным носом.

Он был ровесником Блока (на
полтора года младше), и мы, ро-
дившись при Чуковском в шести-
десятые годы, каким-то краем ду-
ши, тогда еще неизвестным, каса-
лись и блоковской эпохи.

С появлением из печати его
дневников (только что вышел вто-
рой том), этого трагического испо-
ведального эпоса, мы увидели, что
не знали Чуковского. Он сложнее,
он тоньше, он несчастнее, он бла-
городнее, чем мы могли бы дога-
дываться. Стало ясно: нам еще
предстоит счастье открыть Чуков-
ского! А мы-то думали, что счас-
тье это навсегда осталось в про-
шлом...

... Переделкино казалось пус-
тым островом. Календулу я оста-
вил на могиле Корнея Ивановича и
его жены Марии Борисовны. Я по-
сидел под опавшим прозрачным
деревом у могилы Корнея
Ивановича и его жены Марии
Борисовны и пошел вниз, к посел-
ку, искать дом Чуковского, кото-
рого я никогда не видел, только на
фотографиях.

Представить, что этого дома
нет, было бы невозможно. Чуков-
ский без Дома — это Снежная ко-
ролева без дворца, Робинзон Кру-
зо без острова, Дед Мороз без Ла-
пландии, черпаха без панциря...

Я шел поклониться дому, где 26
марта 1966 года Корней Иванович
написал мне двенадцать ласковых
слов. Последние пять были таки-
ми: "... Сердечный привет от Кор-
нея Чуковского", и никакой точки
или размашистой подписи. Только
дата.

Я шел и думал о своем дедушке
Коле, который вдруг, когда мне
было четыре года, решил написать
Чуковскому. Книгу, первый том
своего собрания сочинений, Чу-
ковский адресовал нам вместе —
дедушке и мне, отчего-то не лю-
бившему тогда сказок. Я предпо-
читал правдивые истории из жиз-
ни партизан, пионеров и погранич-
ников. До сказок тоже надо дора-
сти, но я об этом не знал и рос
просто так.

На днях в Москве вышел вто-

② рой, последний том дневников Чуковского (К. Чуковский. Дневник 1930–1969. М., Современный писатель, 1994), я купил эту книгу и сразу принялся искать в ней запись от 26 марта. Такой записи не было, Корней Иванович ничем не отметил этот

шагов по переделкинской улочке.

Вот и дом, где, узнав о визите очередной восторженной мамыши, он кричал со второго этажа своему секретарю: “Остановите ее! Скажите, что я умер!..” О каждой потерянной минуте он убивался и скорбел.

*“...Собака взбежала на высокую гору.
- Сегодня ветер с севера,- сказала она. -
Понюхаем, чем он пахнет. Снег... мокрая
шуба... еще одна мокрая шуба... волки... тюлени,
волчата... дым от костра... береза...”*

(“Доктор Айболит”).
